

И.В. ФОМИН*

**ПЕРФОРМАТИВЫ СЕЦЕССИИ
ОСПАРИВАЕМЫХ ГОСУДАРСТВ:
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ, АБХАЗИЯ, КОСОВО¹**

Аннотация. Статья посвящена изучению актов сецессии трех оспариваемых постсоциалистических государств: Абхазии, Косова и Южной Осетии. При помощи методов мультимодального анализа политических перформативов предпринята попытка определить оспариваемую сецессию как один из типовых перформативных политических сценариев, описав ее через инвариантный набор из шести перформативных актов (стабильность, накопление противоречий, иллюкутивный прорыв, частичная стабилизация, новый акт накопления противоречий, новый иллюкутивный прорыв).

Ключевые слова: перформативы; мультимодальность; семиотика; мультимодальный анализ перформативов; сецессия; сепаратизм; непризнанные государства; оспариваемые государства; Абхазия; Южная Осетия; Косово.

I.V. Fomin

**Performatives of secession of contested states:
South Ossetia, Abkhazia, Kosovo**

Abstract. The article is devoted to the study of the contested secessions of three post-socialist states (Abkhazia, Kosovo and South Ossetia). The methods of multimodal

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: fomin.i@gmail.com;

Fomin Ivan – Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта N 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: Трансдисциплинарный подход».

performative analysis are used to define contested secession as one of the typical performative political scripts that can be described as an invariant set of 6 performative acts (stability; accumulation of contradictions, illocutionary breakthrough, partial stabilization, the new accumulation of contradictions, the new illocutionary breakthrough).

Keywords: performatives; multimodality; semiotics; multimodal performative analysis; secession; separatism; unrecognized states; contested states; Abkhazia; South Ossetia; Kosovo.

В современной политической науке много внимания уделяется исследовательской проблематизации различных аспектов государственности и суверенитета. Обсуждаются вопросы о возможностях уточнения и операционализации таких категорий, как государственная статусность, государственная состоятельность и эффективность государства [Nettl, 1968; The formation... 1975; Krasner, 1999; Суверенитет... 2008; Асимметрия... 2011; Мелешкина, 2011; Мельвиль, 2012 и др.]. Рассматриваются вопросы о том, каковы механизмы закрепления за государствами определенного статуса (великой державы, региональной державы и т.п.) [Major Powers... 2011; Volgy, Mayhall, 1995 и др.]. Изучаются коммуникативные аспекты формирования и бытования наций [Anderson, 1991; Fox, 2008; Krzyżanowski, 2010; Wodak, 2015 и др.]. Представленное в настоящей статье исследование во многом может рассматриваться как продолжение указанных направлений. Его особенностью, однако, является использование несколько непривычного для магистральной политической науки, но, как можно надеяться, перспективного семиотического¹ подхода к исследованию социальной действительности – мультимодального перформативного анализа.

В предметном плане настоящая статья посвящена изучению актов сепарации трех государств: Абхазии, Косова и Южной Осетии. Во многих отношениях эти кейсы сходны. Во всех трех случаях речь идет о спорных государствах, возникших в 1990-е годы на обломках социалистических империй и ставших эпицентрами вооруженных конфликтов. Кроме того, во всех трех ситуациях существенный вклад в прекращение острой фазы конфликтов внесла третья сила: Россия – в случаях Абхазии и Южной Осетии,

¹ Подробнее о возможностях семиотики в политических исследованиях см.: [Фомин, Ильин, 2016].

НАТО – в случае Косова. В 2008 г. все три государственных образования получили частичное признание. Признанию Косова предшествовало повторное провозглашение независимости в феврале 2008 г., признанию Южной Осетии и Абхазии – повторное обострение вооруженных конфликтов. На сегодняшний день Косово признано 108 государствами – членами ООН, Южная Осетия – четырем, Абхазия – пяти. Однако даже при таком существенном количественном разрыве все три политики находятся в сходном положении с той точки зрения, что имеют государство-патрон, способное предоставлять необходимые политические, экономические, военные и культурные ресурсы: Косово поддерживают большинство членов ЕС и США, Абхазию и Южную Осетию – Россия [Мелешкина, Кудряшова, 2015].

Возможности перформативного анализа

Исследуя казусы Абхазии, Косова и Южной Осетии, мы предпримем попытку рассмотреть их акты сецессии в качестве политических *перформативов*, т.е. коммуникативных высказываний, которые сами по себе являются действиями [Austin, 1986; Остин, 1962; Ильин, б. г.]. При этом мы ставим перед собой задачу определить оспариваемую сецессию как один из типовых перформативных политических сценариев, описав ее через инвариантный набор перформативных актов.

Если вести речь о сецессиях Южной Осетии, Абхазии и Косова как об отдельных речевых актах перформативного характера (декларациях независимости), то в качестве таковых можно рассматривать целый ряд текстов, которые появлялись при разных обстоятельствах и в разные моменты времени. Так, например, для Южной Осетии новейшую историю попыток сецессии можно рассматривать начиная с 10 ноября 1989 г., когда Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области принял решение о преобразовании региона в автономную республику. Через год за этим последовало провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР. А 21 декабря 1991 г., в день подписания Алма-Атинской декларации, Верховный Совет Южной Осетии принял Декларацию о независимости республики. После чего в начале 1992 г. состоялся референдум, в

ходе которого свыше 98% принявших участие в голосовании высказались в поддержку независимости, и 29 мая Верховный Совет республики принял документ, закрепляющий этот статус – Акт о государственной независимости [Конфликты... 2008].

В случае Абхазии можно проследить похожий процесс, взяв в качестве начальной точки 18 марта 1989 г., когда в деревне Лыхны на 30-тысячном сходе абхазского народа было выдвинуто предложение о выходе Абхазии из состава Грузии и восстановлении ее в статусе союзной республики. Через полтора года, в августе 1990 г., Верховный Совет Абхазии принял Декларацию о суверенитете Абхазской АССР, а 23 июля 1992 г. – постановление о прекращении действия конституции Абхазии 1978 г. и введении в действие конституции 1925 г., фиксировавшей договорные отношения между Абхазией и Грузией. В 1999 г., после состоявшегося в республике референдума по вопросу об отношении к новой, принятой в 1994 г., конституции, был обнародован документ под названием «Акт о государственной независимости Республики Абхазия», закреплявший статус республики как самостоятельного государства [Конфликты... 2008].

В случае Косова мы также можем обратить внимание на несколько заявлений, претендующих на роль вербального перформатива сецессии. Заявление о провозглашении Республики Косово в составе Югославии было принято албанскими членами краевой ассамблеи Косова 2 июля 1990 г. А через год, после прошедшего «подпольного» референдума, состоялось провозглашение Республики Косово в качестве независимого государства и признание его Албанией. Состоявшееся же 17 февраля 2008 г. провозглашение независимости Косова было, таким образом, уже повторным декларирования независимости [Elsie, 2010].

Как можно понять из представленных выше перечислений, политические перформативы имеют своеобразный характер: они не свершаются моментально, а осуществляются как серии попыток свершения – удачных или неудачных (*happy* или *unhappy* в терминологии Дж. Остина) [Austin, 1974, p. 12–24]. При этом для удачности перформатива, по Остину, требуется соблюдение шести условий.

1. Должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенный конвенциональный эффект. Такая

процедура должна включать использование определенных выражений при определенных обстоятельствах.

2. Определенные лица и обстоятельства должны быть подходящими для обращения (appropriate for the invocation) к такой процедуре.

3. Процедура должна осуществляться всеми ее участниками корректно.

4. Процедура должна осуществляться полностью.

5. Если процедура предназначена для использования определенными людьми, обладающими определенными мыслями или чувствами, и является началом определенного последующего поведения ее участников, тогда лицо, участвующее в процедуре и, таким образом, обращающееся к ней, должно фактически обладать соответствующими мыслями и чувствами, а участники – иметь намерения применительно к соответствующему определенному поведению.

6. Участники впоследствии действительно должны проявлять определенное поведение [Austin, 1974, p. 14–15].

В случае с политической действительностью вступающие во взаимодействие перформативы зачастую оказываются противоположно направленными, что придает политическому дискурсу агонистический характер. При этом, однако, даже агонистические перформативные акты могут быть успешными в случае, если существуют специальные процедуры для такого рода взаимодействия. Неконсенсусные сессии, однако, к этим случаям не относятся. Они обычно могут быть охарактеризованы как перформативные *осечки* (misfires), а точнее – как *мизинвокации* (misinvocations)¹, т.е. как случаи нарушения первого или второго условий удачности.

Важным дополнением к анализу речевых перформативов может стать исследование перформативов, представленных в других модусах: звуковом, визуальном, тактильном, мотильном и т.д.² Ведь, например, событие перехода Южной Осетии из статуса ав-

¹ Адекватным образом перевести на русский используемое Дж.Л. Остином слово *misinvocation* непросто. В существующих изданиях используется либо описательное выражение «Нарушение правил обращения к процедуре» [Остин, 1986], либо не вполне соответствующее сути термина слово *невостребованность* [Остин, 1999].

² Подробнее о совмещении различных модусов коммуникации см.: [Kress, 2010; Кресс, 2016 и др.].

тономной области в составе Грузии к статусу частично признанного государства едва ли может быть адекватно представлен через рассмотрение одних только текстов заявлений и деклараций. Все вербальные перформативные шаги в этом процессе сопряжены с рядом невербальных силовых перформативов, которыми грузинская и осетинская стороны интенсивно обменивались. Свою роль также сыграли, в частности, и мотильные перформативы, осуществляемые потоками людей – беженцев и внутренне перемещенных лиц, вынужденных покинуть свои дома. И даже если мы обратим внимание на одни только вербальные перформативы, нам необходимо будет рассмотреть не только югоосетинские речевые акты сецессии, но и речевые акты грузинского руководства, нацеленные на конструирование альтернативной действительности, в которой Южная Осетия продолжала оставаться частью Грузии [Markedonov, 2008].

Для эффективного анализа комплексных мультимодальных перформативов удобно воспользоваться моделью *вложенного перформатива* (nested performative). Для работы с этой моделью требуется выделить некое отправное *перформативное высказывание* (performative utterance), к которому затем добавляются реактивные и фоновые высказывания, что все вместе образует *перформативный акт* (performative act). К этому перформативному акту добавляются новые высказывания и действия, а также новые реактивные и фоновые акты, в результате создается *перформативное событие* (performative event) [Ильин, б. г.]. При этом важно оговориться, что отнесенность к уровню высказываний, актов или событий является для каждого конкретного перформатива не абсолютным свойством, а релятивным. И при укрупнении масштаба анализа то, что рассматривалось как перформативное событие, может быть перформативировано в перформативное высказывание по отношению к более крупным событиям. Используя такого рода инструментарий, мы можем составить описания перформативных событий сецессии, а также составляющих их перформативных актов и высказываний.

Сецессия в шести актах

Во всех трех исследуемых перформативах сецессии развитие события начинается с *акта накопления противоречий*. Высказывания, производимые участниками коммуникации в рамках этого

акта, носят преимущественно конфронтационный или конкурентный характер – происходит конструирование социальных миров, не совместимых друг с другом и друг друга отменяющих. Примеры обмена такого рода высказываниями в трех проанализированных случаях представлены в табл. 1, 2, 3 (после двоеточия в каждом высказывании указаны положения вещей, перформативно им утверждаемые). Стоит обратить внимание на то, что к набору высказываний при анализе отнесены не только речевые акты, но и целенаправленные силовые действия, также являющиеся попытками утвердить то или иное положение вещей. Их можно рассматривать как последствия мизинвокативных актов, происходящих с обеих сторон при попытках изменить социальную действительность посредством вербальных перформативов. В первую очередь – декларативных актов сецессии.

Таблица 1

**Акт накопления противоречий (1989–1992):
Южная Осетия**

Южная Осетия	Грузия
1	2
Ноябрь 1989 г. СНД ЮО: Официальный язык ЮО – осетинский	4 апреля 1989 г. Митинг в Тбилиси: Ликвидировать ЮОАО Август 1989 г. ВС ГССР: Официальный язык ГССР – грузинский
Ноябрь 1989 г. СНД ЮО: Преобразование ЮОАО в автономную республику	Ноябрь 1989 г. ПВС ГССР: Отмена преобразования ЮОАО в республику Ноябрь 1989 г. Поход на Цхинвали; Гамсахурдиа: «Пусть осетины либо станут грузинами, либо уходят в Россию»
Сентябрь 1990 г. СНД ЮО: На территории ЮО действует Конституция и законы СССР	Март 1990 г. ВС ГССР: Постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»
Сентябрь–декабрь 1990 г. СНД ЮОАО: Провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР, Декларация о суверенитете. Выборы в ВС ЮО	Ноябрь 1990 г. Отменить преобразование ЮОАО в ЮОСДР Декабрь 1990 г. ВС Грузии: Аннулирование результатов выборов в ЮОАО и упразднение осетинской автономии
1991–1992. Силовые акции: Сохранение самостоятельности, выживание людей	1991–1992. Силовые акции: Восстановление контроля над ЮО
17 марта 1991 г. Всесоюзный референдум в ЮО: Сохранение СССР	28 февраля 1991 г. ВС Грузии: Не проводить в Грузии референдум о сохранении СССР Март–апрель 1991 г. Референдум и Акт о независимости: Грузия – независимое государство

Продолжение таблицы 1

1	2
4 мая 1991 г. Собрание народных депутатов всех уровней: Возврат к статусу автономной области	7 мая 1991 г. ПВС Грузии: Решение о возврате ЮО к статусу автономной области не имеет юридической силы
1 сентября 1991 г. СНД ЮО: Возврат к статусу республики Ноябрь 1991 г. СНД ЮО: Обращение к ВС РСФСР с просьбой о присоединении Декабрь 1991 г. ВС РЮО: Декларация независимости Январь 1992 г. Референдум: Независимость и воссоединение с Россией Май 1992 г. ВС РЮО: Акт о независимости РЮО	Сентябрь 1991 г. – декабрь 1993 г. Силовые акции противоборствующих сторонников и противников Гамсахурдиа Март 1992 г. Военный совет: Шеварднадзе – глава государства

Таблица 2

Акт накопления противоречий (1989–1993): Абхазия

Абхазия	Грузия
Март-июль 1989 г. Сход в Лыхны, митинги, силовые акции: Выход Абхазии из ГССР	Март-июль 1989 г. Митинги, открытие филиала ТГУ в Сухуми, силовые акции: Сохранение Абхазии в составе Грузии
25 августа 1990 г. ВС Абхазии: Декларация о суверенитете Абхазской АССР: Абхазия – суверенное государство, находящееся в союзных отношениях с ГССР и СССР	Март 1990 г. ВС ГССР: Постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»: Грузия – суверенное унитарное государство
17 марта 1991 г. Всесоюзный референдум в Абхазии: Негрузинское население: сохранение СССР. Грузинское население (бойкот): выход из СССР	28 февраля 1991 г. ВС Грузии: Не проводить в Грузии референдум о сохранении СССР
31 марта 1991 г. Референдум о независимости Грузии: Грузинское население: Грузия – независимое государство. Негрузинское население (бойкот): Абхазия – часть СССР	Март-апрель 1991 г. Референдум и Акт о независимости: Грузия – независимое государство
23 июля 1992 г. ВС Абхазии: Восстановление конституции Абхазии 1925 г.	21 февраля 1992 г. Военный совет: восстановление конституции Грузии 1921 г.
1992–1993. Силовые акции: независимость Абхазии	1992–1993. Силовые акции, формирование прогрузинского Кабинета министров АР Абхазия: сохранение Абхазии в составе Грузии

Таблица 3

Акт накопления противоречий (1981–1999): Косово

Косово	Сербия
1981. Демонстрации: Косово – республика в составе Югославии 1988–1989. Демонстрации косовских албанцев: Против урезания автономии Косова	1986. Меморандум Сербской академии наук и искусств: Остановить геноцид сербов, отменить автономию Косова 1987. Речь Милошевича на Косовом поле: Сербия не отпустит Косово 1988–1989. Силловые акции против косовских албанцев: Урезание автономии Косова 1989. Референдум, новая конституция: Урезание автономии Косова
2 июля 1990 г. Декларация независимости Республики Косово: Косово – независимое государство в составе СФРЮ 7 сентября 1990 г. Принятие Конституции Косова: Косово – суверенное государство в составе Югославии* 1991. Декларация независимости Косова, «подпольный» референдум: Косово – независимое государство	22 марта 1990 г. Сербская скупщина принимает Программу развития Косова: Сохранение целостности Сербии Июль–сентябрь 1990 г. Разгон краевых органов власти Косова и албанских СМИ: Сохранение Косова в составе Сербии
1996–1999. Силловые акции: Косово – часть Сербии	1996–1999. Силловые акции: Косово – независимое государство

Второй акт, который мы можем очертить в рамках каждой из анализируемых сецессий, можно назвать актом *иллокутивного прорыва*. Предложенное нами имя акта связано с введенным Дж. Остином термином *иллокутивная сила*. Обычно иллокутивной силой называют характеристику перформативного акта, определяющую его с точки зрения интенсивности выражения перформативного намерения, способа осуществления свершения и характера отношений между адресантом и адресатом. Соответственно, в рамках акта *иллокутивного прорыва* происходит существенное изменение этих параметров во взаимодействии ключевых участников.

Конкретные высказывания, образующие акт иллокутивного прорыва, могут разниться. Так, например, в случае с югоосетинской и косовской сецессией иллокутивный прорыв был осуществлен через вмешательство третьей стороны. В 1992 г. вмешательство России в югоосетинский кризис, а в 1999 г. – вмешательство НАТО в Косове оказались актами, существенным образом изменившими конфигурацию отношений между взаимодействующими сторонами. В случае с абхазским кейсом введение миротворческо-

го контингента из российских военнослужащих также стало одним из элементов иллокутивного прорыва, но к нему стоит отнести также и успехи абхазских вооруженных формирований, захват ими Сухуми, массовый отток грузинского населения. Все эти действия вместе привели к изменению иллокутивной силы перформатива абхазской сецессии.

За актом *иллокутивного прорыва* следует акт *частичной стабилизации*. Разумеется, ни в одном из трех обсуждаемых случаев речь не шла о полном консенсусе между сторонами, но и в случае Южной Осетии и Абхазии, и в случае Косово, после иллокутивного прорыва можно зафиксировать целый ряд высказываний, ориентированных на консенсусное конструирование действительности. К числу таких высказываний относятся соглашения о прекращении огня, заявления о мерах по политическому урегулированию и укреплению доверия, встречи, переговоры, предоставление возможности беженцам вернуться в свои дома. Также стоит обратить внимание, что в рамках акта *частичной стабилизации* могут продолжаться высказывания, предполагающие несовместимые версии социальной действительности, как и в фазе накопления противоречий, но при этом могут происходить изменения в самом формате такого рода коммуникации. Заявление противоречащих позиций может становиться синхронным, встроенным в формат переговоров, и в таком случае изменяется его иллокутивный аспект. Синхронно и регулярно повторяя свои позиции, стороны перформативно утверждают наличие вербального контакта как альтернативы силовому противодействию.

В случае Южной Осетии фаза частичной стабилизации продолжалась с 1992 по 2004 г., в случае Абхазии – с 1994 по 1997 г. Далее произошел переход ко второму акту *накопления противоречий*. В Абхазии это было выражено в виде новых силовых акций в 1998 и 2001 гг., а также с последовавшими за этим референдумом и принятием Акта о государственной независимости республики. Особенно интенсивно накопление противоречий стало происходить после «революции роз» в Грузии, когда последовала серия перформативных осечек со стороны Грузии: учреждение Временной администрации Южной Осетии, обустройство прогрузинского правительства АР Абхазия в Кодорском ущелье, заявлен курс на вступление Грузии в НАТО.

Второй *иллокутивный прорыв* в абхазской и югоосетинской сецессии произошел в 2008 г. Вновь он был проявлен в виде силового вмешательства России, но на этот раз сопровождаемого признанием независимости двух отколовшихся от Грузии республик. При этом сами попытки грузинских властей изменить после «революции роз» формат отношений с Россией, заручиться поддержкой Запада и посредством силовой акции восстановить целостность страны можно также рассматривать как попытку осуществления иллокутивного прорыва, который, однако, не состоялся. В случае Косова частичное признание его независимости также стало актом *иллокутивного прорыва*, которому предшествовал акт *накопления противоречий*, проявившийся в виде кризиса переговорного процесса в 2007 г. в рамках обсуждения Плана Ахтисаари, закончившегося принятием в 2008 г. новой косовской декларации независимости.

Подводя итог, можно отметить, что для всех трех проанализированных случаев перформативное событие сецессии может быть описано следующим перформативным сценарием.

Таблица 4

**Перформативные акты, образующие событие сецессии
(на основе кейсов Абхазии, Южной Осетии, Косова)**

Перформативные акты	Описание
Акт 1. Стабильность	Сосуществование в рамках одного государства
Акт 2. Накопление противоречий	Обострение: попытка сецессии, имеющая характер перформативной осечки (мизинвокация) и провоцирующая силовое взаимодействие
Акт 3. Иллокутивный прорыв	Интервенция и заморозка: нивелирование осечки интервентом
Акт 4. Частичная стабилизация	Переговоры: восстановление режима удачных перформативных взаимодействий
Акт 5. Накопление противоречий	Кризис: новые мизинвокативные попытки изменить ситуацию
Акт 6. Иллокутивный прорыв	Признание: преобразование мизинвокативной осечки в удачный перформатив

Вербальные перформативы сецессии, осуществляемые в рамках акта 2, имеют характер мизинвокативных осечек и провоцируют переход коммуникации в силовой модус. Впоследствии это ведет к иллокутивному прорыву (акт 3), отчасти нивелирующему мизинвокативный характер сецессии. Возникают условия

для частичного восстановления режима удачных перформативных взаимодействий (акт 4), нарушенного мизинвокацией. Затем в рамках повторного этапа накопления противоречий (акт 5) совершаются новые мизинвокации, после чего происходит новый иллокутивный прорыв, осуществляемый интервентом, на этот раз уже направленный не на то, чтобы нивелировать мизинвокативную сецессию, а на то, чтобы преобразовать сецессию из осечки в удачный перформатив. Таким образом, представленный здесь сценарий демонстрирует общую структуру развития перформативного события сецессии из мизинвокативного акта сецессии.

Что касается использованной методологии, то приемы мультимодального анализа перформативов, безусловно, являются продуктивным способом исследования социальной действительности и требуют дальнейшего развития и уточнения. Главным достоинством при работе с такого рода инструментами видится возможность использования оптики, допускающей одновременное существование различных социальных миров и позволяющей анализировать агонистическую динамику взаимодействия социальных акторов, утверждающих те или иные версии социальной действительности. При использовании такого подхода у исследователя есть возможность избежать константивного понимания действительности и увидеть социальный мир как пространство мультимодальных перформативных взаимодействий, в котором факты и положения вещей существуют не как нечто раз и навсегда случившееся, а скорее как результат непрекращающегося взаимодействия конфронтационно сталкивающихся, консенсусно сливающихся и реактивно соотносящихся свершений. Кроме того, данный инструментарий позволяет одновременно принимать во внимание и стратегическую целенаправленность действий социальных акторов, и то, в какой мере каждое следующее социальное взаимодействие определяется результатом предшествующего.

Список литературы

Асимметрия мировой системы суверенитета: Зоны проблемной государственности: монография / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. Каф. сравнит. политологии. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.

Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? // Наст. изд.

- Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: Документы 1989–2006 гг. / Составление и комментарии М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Н.Ю. Силаев. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 496 с.
- Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 3. – в печати.
- Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В.* Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия // Актуальные проблемы Европы. – М., 2015. – № 1. – С. 56–80.
- Мельвил А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К.* Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 4. – С. 83–105.
- Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.
- Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике : Пер. с англ. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–130.
- Суверенитет. Трансформация понятий и практик: монография / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. Каф. сравнит. политологии. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.
- Фомин И.В., Ильин М.В.* Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – В печати.
- Anderson B.* Imagined communities. – N.Y.: Verso, 1991. – 224 p.
- Austin J.L.* How to do things with words. The William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J.O. Urmson (ed.). – Oxford: Clarendon press, 1962. – 166 p.
- Elsie R.* Historical dictionary of Kosovo. – Lanham: Scarecrow press, 2010. – 452 p.
- Fox J., Miller-Idriss C.* Everyday nationhood // Ethnicities. – Bristol, 2008. – N 8. – P. 536–563.
- Krasner S.* Sovereignty: Organized hypocrisy. – Princeton: Princeton univ. press, 1999. – 280 p.
- Kress G.* Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. – N.Y.: Routledge, 2010. – 212 p.
- Krzyżanowski M.* The discursive construction of European identities. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. – 232 p.
- Major powers and the quest for status in international politics: global and regional perspectives / T.J. Volgy (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – 242 p.
- Markedonov S.* Regional conflicts reloaded // Russia in global affairs. – М., 2008. – N 4. – Mode of access: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_11893 (Дата посещения: 10.06.2016.)
- Nettl J.P.* The state as a conceptual variable // World politics. – Cambridge, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.

The formation of national states in Western Europe / Ch. Tilly (ed.). – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – 771 p.

Volgy T.J., Mayhall S. Status inconsistency and international war // *International Studies Quarterly*. – L., 1995. – N 39. – P. 67–84.

Wodak R., Boukala S. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse-historical approach // *Journal of language and politics*. – Amsterdam, 2015. – Vol. 14, N 1. – P. 87–109.